

DOI 10.32342/2523-4463-2017-0-14-162-173

УДК 821.161.2

Т.В. ФИЛАТ,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой языковой подготовки
ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины»*

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАКТОВКИ ТРАГЕДИИ ЧЕРНОБЫЛЯ В ЛИРИКЕ ЛИНЫ КОСТЕНКО

В статье рассматриваются особенности художественной трактовки трагедии Чернобыля в поэтическом и публицистическом творчестве Лины Костенко. Чернобыльская тема в произведениях Лины Костенко составляет основу и центр лирического переживания, образуя законченное произведение. Чернобыльская трагедия настолько глубоко вошла в поэтическое сознание поэтессы, что даже в произведениях на другую тему возникают воспоминания о Чернобыле, аллюзии на него, формируется мозаика мысли и чувств поэтессы, обращенных к современной действительности.

Ключевые слова: чернобыльская тема, этико-философское осмысление, цикличность, проблемно-тематическая общность стихотворения, феномен инкрустации, лирический субъект.

Поэтическое творчество Лины Костенко получило высокую идейно-эстетическую оценку многих литературоведов и критиков. Так, В. Брюховецкий, автор очерка о Лине Костенко в «Украинской литературной энциклопедии», отметил: «Поэзии Лины Костенко присущи мощное интеллектуальное напряжение, тяготение к афористической меткости выражения ... Творчество Костенко отмечается дисциплинированностью и глубиной мысли, вырастает из проникновенно лирического восприятия мира» [1, с. 16]. М. Слабошпицкий справедливо считает, что «творчество Лины Костенко ... это афористично точная фраза, редкая стилистическая прозрачность и лирическая одухотворенность ... Лина Костенко – редкий мастер искусства владения словом. Она удивительно органично создает свою звукопись» [2, с. 125]. Валентина Статеева утверждает: «Божий дар – высокий уровень интеллекта, образованности, поэтический талант и языковую гениальность – Лина Костенко удесятерила постоянной и кропотливой работой над собой, над своим словом, что уже оценено в более чем 100 языковедческих исследованиях, в том числе диссертационных, по лингвостилистике, поэтике, ономастике, лексикологии» [3, с. 56]. Н.И. Бернадская отмечает, что «подчеркнутая философичность – один из отличительных признаков лирики Л. Костенко. Самоценность и неповторимость человеческого существования, морально-этические поиски отдельной индивидуальности, неистовство современной жизни, её последствия и память истории – вот основная ось художественных размышлений поэтессы, которая по-максималистски, без полутониров и компромиссов, говорит о ценностях непреходящих и вечных» [4, с. 211].

Исследователи единодушны в оценке особенной философской основы, активной гражданской позиции, лирического накала, высокого языкового мастерства, поэтического стиля Лины Костенко. Эта специфика поэтического мира поэтессы отчетливо проступает в произведениях, центральной темой которых выступает трагедия Чернобыля.

Творчество Лины Костенко продолжает лучшие традиции украинской литературы, которые связаны с острым восприятием и этико-философским художественным осмыслением важнейших для страны и народа социально-исторических событий, явлений, процессов. Поэтесса не только воссоздаёт своё художественное понимание мира, но и своеобразно трансформирует, переосмысливает традиционные жанры, порою прибегая к комбина-

торике различных жанрово-поэтологических систем. Творческому сознанию Лины Костенко присуще не столько стремление к своеобразному повторению тем, образов, эмоций, мыслей, но и некая внутренняя своеобразная цикличность. В основе её лежит целостность авторского лирического субъекта с его особым этико-философским видением действительности, мироощущением, адресованными читателю-современнику. В творчестве Лины Костенко проступает отчетливо выраженная тенденция эстетического решения острых социально-исторических, нравственных, философских проблем, актуальных для современной жизни украинского народа. Особенности такого мироощущения, переживания мира своеобразно преломляются в лирико-трагической теме чернобыльской катастрофы.

Очень часто в творчестве поэтессы возникают не столько внешне организованные циклы «от автора», сколько внутренне насыщенные проблемно-тематической общностью группы стихотворений, отмеченные цельностью авторского лирического субъекта, через призму которого дается особая оценка-восприятие современного мира. У поэтессы можно выделить, например, военный цикл («Смертельный падеграс», «Тут обелісків ціла рота», «У Корчуватому, під Києвом...»), автобиографический («Мій перший вірш, написаний в окопі...», «Я виросла у Київській Венеції», «Мати»), чернобыльский («Атомний Вій опустив бетонні повіки», «Загидили ліси і землю занедбали», «Летючі крони голубих дерев») и т.д.

Литературоведы считают, что цикл – это «сверхтекстовое литературное единство» [5, с. 157]. В Литературоведческой энциклопедии дается детализация данного определения: «Цикл – ряд связанных между собой явлений, близких по происхождению, содержанию, функции, которые создают определенную целостность. В литературе – совокупность художественных произведений, принадлежащих к одному жанру или общим по идейно-тематическому принципу, по сходству композиционных форм, объединенных замыслом автора в эстетическую целостность» [6, с. 570].

В лирике Лины Костенко объективное стремление к циклизации, как представляется, связано с постоянным напряженным этико-философским осмыслением и лирическим переживанием глубоко трагических событий современной действительности. Циклы поэтессы группируются в некое единство не столько по проблемно-тематическому принципу, сколько по присущему поэтессе постоянному возвращению к памяти сердца. Разумеется, самым характерным признаком цикла является проблемно-тематическое единство группы произведений. Их жанровая природа чаще всего связана с лирической миниатюрой. Но значительно более существенной в эстетическом отношении оказывается поразительная цельность восприятия, мироощущения и оценка-переживание мира лирическим субъектом произведения. Это часто порождает некие сквозные образы, тяготение к авторскому жанровому облику произведений, в котором сочетается лапидарность с внутренне форсированной философско-эмоциональной емкостью. Эту особенность художественного мира лирики Лины Костенко очень точно подметил Иван Дзюба: «Среди новых стихов преобладают поэтические миниатюры-акварели и лирические монологи ... «Скупее» стала и языковая палитра, но образный арсенал не обеднел. В общем стилистика не утратила в интенсивности, а может, и приобрела. Во всяком случае звукопись стала богаче, просто роскошной...» [7, с. 79].

Не менее важной чертой стихотворных циклов Лины Костенко является сочетание, по сути, эпического масштаба событий с неповторимым лирическим воссозданием, осмыслением и переживанием его. Это своеобразие лирики ярко проступает в чернобыльском цикле. В целом, основную составляющую чернобыльского цикла можно датировать 1988-2012 гг., что свидетельствует о том, что тема Чернобыля постоянно присутствует в художественном сознании поэтессы, входя и в прозаические произведения писательницы. Таким образом, собственно гражданская позиция Лины Костенко и поэтическое восприятие мира ее лирическим субъектом находятся в гармоническом единстве.

Исследователи анализируют прежде всего публицистические произведения Лины Костенко, посвященные проблеме Чернобыля (Т. Гундорова, А.С. Кузьмич-Походенко). В меньшей мере исследуется поэзия, хотя лирические стихотворения как бы своеобразно дополняют, более эмоционально раскрывают трагедию Чернобыля в творчестве поэтессы и нуждаются в тщательном, кропотливом исследовании.

По мнению Т. Гундоровой, «надо признать, что Чернобыль превращается сегодня из реального исторического события в символическое ... Чернобыль в той или иной степени

касаясь представлення о существовании в современности и требовал ее новых философских, культурных и политических переформулировок» [8]. А.С. Кузьмич-Походенко справедливо считает, что «чернобыльская трагедия 1986 г. – одна из ведущих тем творчества Лины Костенко. В стихах, в публицистических выступлениях, в прозе писательница не обходит вниманием эту катастрофу и, что главное, ее последствия. Публично Лина Костенко высказывается по этой трагической теме в докладах «Чернобыль в дозах исторического сознания» (г. Львов, 1993 г.) и «Украина как жертва и фактор глобализации катастроф» (г. Черновцы, 2002 г.), раскрывая многоаспектность последствий аварии на ЧАЭС, рассматривая их через призму гуманитарной трактовки – как крах не только экологии, но и в определенной степени мышления, понимания, восприятия этой катастрофы» [9, с. 150].

Тема Чернобыля в творчестве поэтессы часто составляет основу и центр лирического переживания. Но чернобыльская трагедия настолько глубоко вошла в поэтическое сознание Лины Костенко, что даже в произведениях на другую тему возникают воспоминания о Чернобыле, аллюзии на него, формируя мозаику мысли и чувств автора, обращенных к современной действительности. Так, например, в стихотворении «Хто в нашу долю тільки не втручався...» лирический субъект интеллектуально-эмоционально осмысливает историю Украины, прибегает к обобщающему, семантически насыщенному образу «духовного Чернобыля» как символа трагедии народа, прикрепленной к известному историческому событию – катастрофе на Чернобыльской АЭС в 1986 г.:

Хто в нашу долю тільки не втручався,
В яких тенетах тільки не б'ємось,
Духовний Чорнобиль давно вже почався,
а ми іще тільки його боїмось [10].

Лирический субъект не только глубоко переживает трагедийность конкретного события, но и видит в нем некий обобщающий признак состояния современного мира, чреватого трагедиями, катастрофами, гибелью людей. Как пишет Иван Дзюба, «боль истерзанной природы разрастается болью всей изуродованной жизни – везде, хоть и не чернобыльской мерой ... изменения вокруг человека – это эхо изменений в ней самой, в человечестве, в его качестве...» [7, с. 85].

В другой лирической медитации («Кричали «біс», пишались зробленим...») перечислена сложившаяся ритуальность:

Кричали «біс», пишались зробленим,
Прогрес любили над усе [10].

Завершает миниатюру некий трагический итог, связанный с последствиями чернобыльской аварии:

Летить лелека над Чорнобилем,
нікому діток не несе [10].

Поэтесса прибегает к традиционному поэтическому образу аиста («лелека»), приносящего детей, соотнося его с пространством чернобыльской трагедии.

В стихотворении «Дозиметром не виміряєш дози...» возникает аллюзия на Чернобыль в ссылке на прибор, которым измеряют уровень радиации:

Дозиметром не виміряєш дози
Тотального спустошення душі.
Історія лягає під бульдозери,
Сучасний світ штампує фетиші [10].

Важнейшие приметы современного существования людей как «атомных заложников прогресса», находящихся в границах «от стресса и до стресса», даны в стихотворении «Ми – атомні заложники прогресу»:

Ми – атомні заложники прогресу.
Вже в нас нема ні лісу, ні небес.
Так і живем од стресу і до стресу,
Абетку смерті маємо – АЕС [10].

Здесь возникает образ АЭС как «азбуки смерти». Тем самым лирический субъект формирует обобщающий образ угрозы человеческому существованию. При этом поэтесса не просто констатирует существование опасности от атомной электростанции, а как бы пре-

дупреждает человечество о гуманитарной, духовной катастрофе. Таким образом, поэтическое обозрение действительности превращается в глубоко трагическое осмысление лирическим субъектом угроз современной действительности. События украинской истории интерпретируются лирическим субъектом как возможная общечеловеческая трагедия.

Название поэтического цикла «Инкрустации» как бы готовит читателя к восприятию произведений, объединенных функцией украшать что-либо. «Словесная инкрустация, – считает Е.С. Ионова, – представляет собой обозначение чувственно воспринимаемых образов, включаемых в новые связи, и потому становится ключом к новым поворотам мысли. Это самый распространенный прием предъявления образов и нормативов» [11]. По признанию Лины Костенко, ««Инкрустации» отражают мир в разломах ритма – а летящая рифма как бы «сшивает» этот взорвавшийся мир. Но рифма имеет прямое отношение не только к миру, к тому, как его переживаешь, или к версификации, но и к специфике языка прежде всего» [7, с. 180]. Поэтесса связывает особенности ритма и рифмы своих произведений с особенностями языка: «У нас язык с подвижным ударением, с постоянным поиском эвфонии. И одновременно с нерешенными психологическими и другими аспектами бытия языка в особом» [7, с. 180]. Таким образом, саморефлексия Лины Костенко свидетельствует об ее особом внутренне целостном восприятии мира и слова в их своеобразном единстве.

Начало стихотворения «Атомний Вій опустив бетонні повіки» – прозрачний намек на широкоизвестную цитату из произведения Гоголя Вий, а персонаж определяется словом «атомный», что модернизирует образ, устанавливает прямую связь его с современным атомным столетием:

Атомний Вій опустив бетонні повіки.

Коло окреслив навколо себе страшне [12, с. 537].

Остальная часть стихотворения – серия эмоционально насыщенных, конкретных риторических вопросов, с которыми лирический субъект как бы обращается к современникам, ставя проблемы, но не решая их, заставляя читателя задуматься над важнейшими тенденциями и особенностями современного мира. Лирический субъект вводит семантически значимые вопросительные слова: «почему», «кто» виноват в трагедиях человечества, связанных с использованием атома. Он обращается к науке, которая, «требуя жертв», не вызывает виновников атомных катастроф:

Якщо наука потребує жертв, –

чому ж не вас вона перековтала?! [12, с. 537].

Именно риторический характер вопросов, где вопросительный знак сочетается с восклицательным, создает эмоциональную трагическую напряжённость лирического повествования.

Если в предыдущих стихотворениях лирический субъект трактует в целом эпоху открытия и использования атома как разрушительную, то в стихотворении «Загидили ліси і землю занедбали» звучит конкретное обращение к трагедии Чернобыля, гневно обличается и выбор места, где была построена АЭС («Поставили АЕС в верхів'ї трьох річок» [12, с. 538]), что действительно и в публицистике, и в документалистике, связанных с Чернобылем, глубоко осмысливается. Лирический субъект дает жесткое определение виновника чернобыльской атомной катастрофы, обращаясь к поэтике риторического вопроса:

То хто ж ви є, злочинці, канібали?! [12, с. 538].

Герой произведения прибегает к определению «злочинці» и к ещё более обличительной характеристике – «канібали». И риторический вопрос, и эти перечисления передают глубокое философско-эмоциональное осмысление лирическим субъектом трагедии своей страны и своего народа. И «чорний дзвін», и «яничари» становятся выразительными образами метафорического характера, определяющими чернобыльскую трагедию. Завершают стихотворение аллюзия на известные шевченковские строки и вывод лирического субъекта о том, что последующие поколения не простят чернобыльскую трагедию:

І мертві, і живі, і ненароджені

нікого з вас довіку не простять! [12, с. 538].

В цикле «Инкрустации» много стихотворений, построенных как риторические вопросы. Этот принцип можно считать системообразующим элементом цикла, как и глубокую

духовность лирического субъекта, обращенного к решениям общенациональных и даже общечеловеческих проблем.

К «Инкрустациям» относятся и лирические стихотворения, которые представляют собой авторскую трансформацию жанра пейзажной лирики, где лирический субъект отмечает детали флоры:

Стоять озера в пригорщах долин.

Луги цвітуть у придорожній смузі [12, с. 544].

А также вводится деталь, характерная для украинского пейзажа:

І царствений цибатий черногуз

поважно ходить в ранній кукурудзі [12, с. 544].

В описанном пейзаже присутствуют и человек, и домашнее животное («коза»), и деталь современной цивилизации («машина»). Однако этот почти идиллический пейзаж разрушается финальными строками произведения:

Малина спіє... І на все, на все

лягає пил чорнобильської траси [12, с. 544].

В стихотворении «Жоржини на чорнобильській дорозі...» вновь возникает семантическая трансформация жанра пейзажной лирики, где с самого начала развивается тема чернобыльского облика природы. Поэтесса создает такую систему лирических пейзажных образов, которые несут в себе тему гибели всего живого. Она прибегает к образам цветов («жоржини»), росы («роси»), крыш («стріхи»), находя определения, которые переосмысливают эти образы в трагическом ключе гибели и разрушения:

Роса – як смертний піт на травах,

на горіхах.

Але найбільше стронцію – у стріхах [12, с. 544].

Лирический субъект отмечает характерную деталь сельского пейзажа Украины – «стріхи», которые стали «радіаційними». Современный украинский пейзаж под пером поэтессы становится как бы двухслойным: традиционным (в перечне пейзажных примет) и современным, несущим в себе печать чернобыльской катастрофы, – радиоактивным.

Аналогичная двухслойность есть и в стихотворении «Летючі крони голубих дерев», где присутствуют и люди, заставляющие лирического субъекта задаться вопросом о том, что помимо чернобыльской зоны у человечества может возникнуть и более широкая трагическая зона:

Ріка. Палатка. Озеро. Курінь.

Аборигени Острова Надії.

Босоніж дітки бігають малі [12, с. 545].

Эти семантически насыщенные, знаковые детали пейзажа репрезентируют пространство отдыха людей, которые названы аборигенами. Стилевой манере поэтессы присуще стремление наполнить предметную образность дополнительным смыслом. Однако этот вновь почти идиллический пейзаж разрушается выводом лирического субъекта о том, что трудно в современном мире найти границу между опасной и безопасной зонами:

А де тепер не зона на землі?

І де межа між зоною й не зоною?! [12, с. 545].

Если для традиционной пейзажной лирики характерно воссоздание той или иной поры года (весна, лето, осень, зима) или времени суток (утро, день, вечер, ночь), то для Лины Костенко характерно воссоздание исторического времени – безвременья чернобыльской катастрофы. Хотя у нее есть стихотворение («Цей дощ – як душ. Цей день такий ласкавий»), в котором органично соединены как приметы весны, так и чернобыльского хронотопа:

Сади цвітуть. В березах бродить сік.

Це солов'їна опера, Ла Скала! [13, с. 259].

Однако они связаны с географически точным и современным местом и историческим временем:

Чорнобиль. Зона. Двадцять перший вік [13, с. 259].

В характеристике пространства послечернобыльской катастрофы Лина Костенко сочиняет описание типичных пейзажных примет флоры и фауны с их изменениями под влиянием трагедии:

Тут по дворах стоїть бузкова повінь.
Тут ті бузки проламують тини.
Тут щука йде, немов підводний човен,
і прилітають гуси щовесни [13, с. 259].

Поэтесса вводит помимо традиционных деталей чернобыльского пространства новые его особенности:

В Рудому лісі виросли поганки,
і ходить Смерть, єдиний тут грибник [13, с. 259].

Особо акцентируется отсутствие людей в привычном пейзаже:
Жив-був народ над Прип'яттю – і зник [13, с. 259].

В центре стихотворения «Коли ганяли голку патефони...» – сквозная лирическая тема, связанная с мифопоэтической семантикой образа колокола, звон которого предупреждает человека о смертельной опасности. Этот мирный колокол, данный в детском восприятии, как бы контрастирует со зловещими колоколами Хиросимы, Чернобыля, Фукусимы. В перечне колоколов первое место принадлежит известной во всем мире комической опере «Корневильские колокола» (1877) французского композитора Робера Планкетта на либретто Луи-Франсуа Клервилля и Шарля Гобе по пьесе «Вилларские колокола» Э. Майяра, которая неоднократно упоминается у многих писателей. Поэтесса создает острый контраст между комической оперой, о которой ее автобиографический герой слышал в детстве, и колокольным звоном трагических событий истории XX века. В лирическом исповедальном стихотворении «Коли ганяли голку патефони...», где фигурирует автобиографическое поэтическое «я» автора, обыгрываются варианты в исторической последовательности звона колоколов как знаковых обобщающих образов опасности радиоактивных катастроф: Хиросима, Чернобыль, Фукусима. Лина Костенко использует поэтику точных географических названий, данных в реальной исторической последовательности, придавая им обобщающий смысл:

А потім, потім... Потім, як усі ми,
почула раптом дзвони Хіросіми.
А потім дзвін Чорнобиля. І зону.
І серце дзвону в попелі руїн.
І Фукусіму, де вже й не до дзвону.
Який він буде, наш наступний дзвін?! [13, с. 254].

В создании художественного пространства чернобыльского цикла Лина Костенко постоянно акцентирует новые его черты, которые связаны с трагедией взрыва на атомной электростанции. Воссоздавая конфликт природы и цивилизации, поэтесса трактует его в трагическом звучании, данном в мироощущении лирического субъекта, наблюдающего и переживающего чернобыльскую трагедию. Так, в стихотворении «Осіньна піротехніка – тумани» создается контраст между почти идиллическим пространством матери и ребенка как символов жизни («Чиєсь дитя подибало до мами, / а мама десь на відстані сльози» [13, с. 250]) и небытием, связанным с чернобыльской катастрофой: «У Зоні віє вітер небутия» [13, с. 250].

В центре стихотворения «На березі Прип'яті спить сатана...» – символический, мифопоэтический образ сатаны как воплощения мирового зла, данный через конкретные приметы пейзажа чернобыльской катастрофы. Дается точная географическая номинация места действия: «На березі Прип'яті спить сатана...» [13, с. 260], которая определена образным языком исторической чернобыльской катастрофы:

На березі Прип'яті – березі – на –
ріки, що колись була голубою [13, с. 260].

Сатана как бы растворился в приметах пейзажа («прикинувся, клятий, сухою вербою», «Лежать йому села в біді і розрусі» [13, с. 260]). Поэтесса создает наглядный эмоционально насыщенный знак чернобыльской трагедии, вводя образ атомной черной свечи («Стоїть

Йому атомна чорна свіча» [13, с. 260]), изображает картину присутствия сатаны как зла в природных пейзажных деталях:

Уп'явся в пісок пазурями корча,
свистить йому вітер в дуплястому вусі [13, с. 260].

В трактовку сатаны, помимо традиционных признаков носителя зла («ікони покрав»), Лина Костенко вводит деталь, которая модернизирует этот образ, связывая с действительностью чернобыльской беды («Загубив респіратор»). Трагедия торжества зла реализуется в обрисовке спящего носителя зла («сатана») как «императора»: «Оце його царство. Він тут імператор» [13, с. 260]. В деталях образа спящего сатаны очевидны типичные приметы Чернобыля: «Той чорний реактор – і пекло, і трон» [13, с. 260]. Финальные строки стихотворения завершают тему торжества зла, воплощенного в традиционном мифопоэтическом образе сатаны, стремящегося превратить всю Украину в трагическую Чернобыльскую зону:

І сниться йому в ореолі ворон
вже вся Україна, вже вся Україна... [13, с. 260].

Используя мировой образ сатаны – носителя абсолютного зла – поэтесса функционально развёртывает метафору чернобыльской трагедии, что позволяет акцентировать этическую тему гуманитарной катастрофы в Украине. В подтексте центральной метафоры возникают типичные характеризующие приметы сатаны как воплощения зла, коварства, агрессивности, властолюбия. Поэтому в стихотворении создается поэтическая структура многоаспектности центрального образа произведения в трактовке лирического субъекта. Специфика трагического звучания заключается в том, что лирический субъект видит абсолютное торжество зла, предупреждая читателя о дальнейших (после Чернобыля) планах сатаны, угрожающих человечеству. Обращаясь к традициям украинской пейзажной лирики, Лина Костенко внутренне переосмысливает, трансформирует жанр дескрипции природы в её хронотопическом аспекте в жанр социальной гражданской лирики, изображая трагедию разрушения прекрасной Родины из-за чернобыльской катастрофы.

В стихотворении, в котором есть надтекстовое название «Чернобиль-2», поэтесса использует язык метафор, сравнений, знаковой предметности, развёртывая тему антиприродного, античеловеческого эффекта Чернобыля как явления. В системе образов произведения упомянуты «больные» леса («Ліси хриплять застуджено, як бронхи» [14, с. 112]), отмечается гробовая тишина зоны («У Зоні тиша. Тиша гробова» [14, с. 112]), где определение «гробовая» как бы разворачивает тему гибели, смерти, «милитарного призрака» Чернобыля:

Лиш мілітарним привидом епохи
«Чернобиль-2» над лісом проплива [14, с. 112].

Чернобыльская трагедия трансформирует, но окончательно не уничтожает природу, в которой ещё сохранены и «ёжик» («Там спить їжак. Їжак узимку лежень» [14, с. 112]), «сова» («І ніч іде з ліхтариком сови» [14, с. 112]), «косулька» («Там мох скубе косулька ще не вбита» [14, с. 112]). Метафорический образ стихотворения «Чернобиль-2» предстаёт как воплощение губительного зла, разрушающего природу:

Йому не треба кленів і акацій,
ні голосів, ні мальви на тину.
Вже навіть ржавим залишком локацій
він може думати тільки про війну [14, с. 112].

«Чернобиль-2» выразительно-оценочно определён как «царь Антиприроды»:

А він стоїть. Він цар Антиприроди.
І на вітрах антенами гуде [14, с. 113].

Соотнося природу и цивилизацию, Лина Костенко противопоставляет красоту природы губительной, смертоносной силе цивилизации, породившей антицивилизационный эффект Чернобыля.

В стихотворении «Кошій Безсмертний зону стереже» писательница обращается к известным фольклорно-сказочным образам (Кощей Бессмертный, Катигорошек, Колобок) для того, чтобы раскрыть тему трагической трансформации некогда прекрасного локуса в мир, где нет места сказке, прекрасному:

Як довго в селах казка не жила!
Тепер вернулась – а вони порожні [14, с. 205].

Три стихотворения («На березі Прип'яті спить сатана...», «Коцій Безсмертний зону сте-реже», «Атомний Вій опустив бетонні повіки»), где присутствуют знаковые образы Сата-ны, Атомного Вия, Кощя Бессмертного, образуют внутренне объединенный лирический цикл, посвященный Чернобылю, – своеобразный триптих. Объединяющим здесь, разуме-ется, является лирический субъект, который с глубокой страстностью, эмоциональностью гуманистически осмысливает трагедию Чернобыля, прибегая к мифопоэтическим сказоч-ным персонажам Сатаны, Вия, Кощя Бессмертного. Это уже не фольклорные, широкоиз-вестные, и не книжные образы. Их метафорический смысл связан с темой власти зла над прекрасным пространством Чернобыля, где мирно и счастливо жили люди. Прибегая к та-кой образности, поэтесса апеллирует к широкой аудитории читателей, несомненно знако-мых с этими персонажами.

Лина Костенко обращается не только к конкретным, типологическим образам, но и использует иносказательность в воплощении чернобыльской темы. Об этом свидетель-ствует стихотворение «Чорні верби над ставом. Білий вечір води». Приметы чернобыль-ского хронотопа – «чорні верби», «самотні сади», «некошена гуць» (то есть безлюдное про-странство), «цезій гусне в крові» [13, с. 252]. Тема разрушения природы и цивилизации в чернобыльском пространстве создается системой образов, возвращающих нас в далекое, доцивилизационное прошлое человечества («часи мезозою»), вводятся образы исчезнув-ших древнейших животных (динозавры, ящеры, птеродактили). В подтексте чернобыль-ского хронотопа возникает тема мёртвой цивилизации, как её определили зарубежные журналисты, обращаясь к чернобыльской трагедии, но не формируется тема, с точки зре-ния поэтессы, «мертвой зоны». Основной концепт свидетельствует, что Лина Костенко ве-рит в возрождение жизни. И хотя она трактует Чернобыль как трагедию, но трагедию опти-мистическую, вводя дескрипцию живой природы. Возникает некое картинное семантиче-ское пространство, заполненное образами животных и растений, метафорическая семан-тика времени, которая призвана донести читателю смысл губительности трагедии Черно-быля, но не темы гибели всего живого. Чернобыльский хронотоп, где точно подразумева-ется время и пространство катастрофы, сопоставляется с далеким историческим прошлым. Поэтесса признается, что «после Чернобыля наступает сбой исторического времени. Дру-гие стихи бушуют на Земле. По другому ритму идет История» [7, с. 181].

Трансформируя поэтологические особенности пейзажной лирики, где обязательно должна быть дескрипция природы, Лина Костенко вводит тему изменения природы из-за чернобыльской катастрофы. В стихотворении «Страшні корчі вербових ікебан» созда-ется исторически датированный пейзаж. Система деталей, где фигурируют и оригиналь-ные образы больного дерева («Страшні корчі вербових ікебан» [14, с. 151]), и дикого каба-на, который оказывается в городском пространстве Чернобыля («Недавно в Чорнобилі ди-кий кабан / переходив вулицю біля аптеки» [14, с. 151]), и мертвой речки («І мертва річка зблискує, як ртуть» [14, с. 151]), призвана передать трагическое мироощущение лирическо-го субъекта. Но в измененных катастрофой пейзажах поэтесса упоминает о цветущей яблоне («яблуні цвітуть» [14, с. 151]), которая вводит тему победы жизни над мертвым миром, несмотря на то, что в этом мире нет людей («людей нема» [14, с. 151]). Безлюдность пейза-жа усиливает трагический колорит, позволяющий поэтессе оплодотворить законы пейзаж-ной лирики острой социально-исторической темой, поднять проблему гуманитарной ката-строфы и тем самым трансформировать жанр пейзажной лирики в лирику гражданскую.

Произведения, посвящённые Чернобылю, не собраны автором в группу стихотворе-ний, но в читательском восприятии они объединяются в особый цикл. Возможно, Лина Ко-стенко не собирает произведения с чернобыльской тематикой в отдельный цикл потому, что Чернобыль настолько глубоко проник в душу, мировосприятие лирического субъекта, что он постоянно возникает как периферийная тема, как ассоциация в ее произведениях с иным проблемно-тематическим узлом. Поэтесса, называя один из своих сборников «Ин-крустации», как бы подчёркивает, что произведения, входящие в него, представляют раз-нообразные вкрапления, которые присущи феномену инкрустации. Такой принцип сбор-ника позволяет подчеркнуть присущий лирическому субъекту интерес к многообразным проблемам, составляющим эффект «узла проблем». Такая структура, внутренне полемиче-ская по отношению к формированию сборника на основе только одного проблемно-тема-

тического единства, создаёт образ лирического субъекта как личности, обращённой к анализу и переживанию многочисленных проблем жизни современного человека. В подтексте такой структуры лежит признание самых разнообразных проблем: личных, социально-политических, этико-философских – как некой органической их взаимосвязи.

Все стихотворения, которые можно рассматривать как чернобыльский цикл, проникнуты творческой индивидуальностью Лины Костенко, ее умением опираться на традиции, изменять и обогащать их. Обращаясь к традициям классической пейзажной лирики, где доминирует дескрипция красоты и гармонии природы, данная глазами наблюдателя, любующегося ею, поэтесса трансформирует поэтику этого жанра, реализуя тему трагической дисгармонии природы, её разрушения из-за технологической катастрофы Чернобыля. Трагическое мироощущение лирического субъекта, воспринимающего пейзаж Чернобыля после катастрофы как свою личную трагедию, трансформирует традицию описательно-аналитической пейзажной лирики в лирику гражданскую. И обращение к мифопоэтическим образам, и социальный подтекст, который возникает в стихотворениях лирико-пейзажного жанра, заставляет вспомнить о классических традициях украинской поэзии, в частности о лирике Григория Сковороды, Тараса Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко, которых поэтесса глубоко ценит. Эту особенность синтеза традиций в лирике Лины Костенко отмечает О.В. Ковалевский: «Эти два течения духовной жизни своего народа – сковородинское и шевченковское – органично сочетает в своем творчестве Лина Костенко, доказывая, что и в современном сложном, глобализированном мире, полном небывалых исторических угроз, река украинской национально-духовной традиции не мельчает, а упорно прокладывает себе путь в будущее» [15, с. 14]. Григорий Ключек справедливо считает, что «Лина Костенко – прямой духовный потомок Шевченко, Леси Украинки, Франко. Поэтов такого масштаба, такой одаренности рождается мало – один-два в столетие. Она приближена к Истине. У нее абсолютный слух к «голосу веков» ... Лина Костенко – Поэт в самом полном, настоящем понимании этого слова. А это значит, что у нее обостренное понимание Красоты. Понятие Красоты касается всего духовного и материально сущего в этом мире. Есть красота природы, красота слова, красота мысли, красота чувства, красота поступка Именно на почве возведенной в культ Красоты (во всех ее проявлениях) и предстают ее поэтические шедевры» [16, с. 20–21]. В.П. Саенко пишет: «Удивительное созвучие творчества Леси Украинки и Лины Костенко, будто и нет между ними временного расстояния, особое духовное родство и одновременно независимость собственного художественного мира говорят о европейском типе художника, который укоренился в украинской литературе... » [17, с. 241].

В поэтическом мире Лины Костенко, который чрезвычайно богат и разнообразен мыслями, чувствами, образами, трагедия Чернобыля очень часто звучит даже тогда, когда стихотворения прямо не развивают эту тему. Так, например, в стихотворении «Пришов у місто дуже гарний лось» [14, с. 207] подробно воссоздается образ животного, которого люди воспринимают и как лирический объект, и как прекрасное существо природы, родственное человеку:

А що такого? Лосі нам рідня.

Креснув рогами – як трамвайні дуги [14, с. 207].

Финальная строка вводит тему Чернобыля:

Він, може, йшов до мене навманя –

з моїх лісів, з чорнобильської туги [14, с. 207].

Сквозными образами-лексемами, объединяющими стихотворения в чернобыльский цикл, выступают топографические наименования: «Україна» «Чернобиль», «Рудий ліс», «Прип'ять», «Зона», «Хіросіма», «Фукусіма», «Остров Надії», «Антиприрода». Эта система образов развивает концепт непобедимости жизни даже несмотря на смертельную опасность Чернобыля. Обычно в пейзажной лирике выделены времена года. В стихотворениях чернобыльского цикла возникает тема безвременья, с которой связывается чернобыльский хронотоп.

Помимо леса также репрезентируются типичные для этой местности животные и рыбы (ежи, лось, косулька, дикий кабан, щука, гуси, ворона, сова), растения (клен, акация, верба, береза, сирень, яблоня, малина, георгины), представляющие характерную флору и фауну Украины. Эта система образов развивает концепт непобедимости жизни.

Ритмическо-интонационная напряженность стихотворений, создаваемая риторическими вопросами, восклицательными знаками, связанная с чернобыльской темой, выразительно передает глубоко гуманистическое, эмоционально-экспрессивное гражданское мировосприятие поэтессы, для которой чернобыльская трагедия – это постоянная боль, которая входит в трагическое мировосприятие и мироощущение лирического субъекта. Можно согласиться с мнением Д. Дроздовского, что «Лина Костенко – Поэт, творчество которого, несомненно, достойно Нобелевской премии. Но эта премия – не результат даже одного года. В конце концов, это испытание, которое может либо пройти, либо не пройти Украина. Не премия должна быть стимулом, а потребность достойной мысли о себе в мире. Когда голосом украинской культуры (мысли) в мире становится поэзия Лины Костенко, тогда можно не волноваться за будущее Украины» [18].

Список использованных источников

1. Брюховецький В.С. Костенко Ліна Василівна / В.С. Брюховецький // Українська літературна енциклопедія: в 5 т. – К.: Українська енциклопедія ім. М.П. Бажана, 1995. – Т. 3. – 496 с.
2. Слабошпицький М. Ліна Костенко / М. Слабошпицький // Історія української літератури ХХ ст.: у 2 кн. – К.: Наукова думка, 1998. – Кн. 2: Друга половина ХХ століття. – С. 120–125.
3. Статеева В. Ліна Костенко й українська лексикографія кінця ХХ – початку ХХІ ст. / В. Статеева // Культура слова. – 2010. – № 73. – С. 54–64.
4. Бернадська Н.І. Українська література ХХ століття: навч. посіб. для старшокласників та вступників до вищих навч. закл. / Н.І. Бернадська. – К.: Знання-Прес, 2008. – 272 с.
5. Тюпа В.І. Анализ художественного текста: учеб. пособ. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В.І. Тюпа. – М.: Академия, 2006. – 336 с.
6. Літературознавча енциклопедія: у 2 т. / автор-укл. Ю.І. Ковалів. – К.: Академія, 2007. – Т. 2. – 624 с.
7. Дзюба І. Є поети для епох / І.М. Дзюба. – К.: Либідь 2011. – 208 с.
8. Гундорова Т. Пост-Чорнобиль: катастрофізм як нова національна ідея [Електронний ресурс] / Т. Гундорова. – Режим доступу: <http://www.life.pravda.com.ua/columns/2012/04/26/101231/> (последнее обращение 09.10.2017).
9. Кузьмич-Походенко А.С. Проблема Чорнобиля у публіцистиці Ліни Костенко: у 4 ч. / А.С. Кузьмич-Походенко // Молодий вчений. – 2015. – № 12 (27). – Ч. 4. – С. 150–153.
10. Костенко Ліна. Поезія [Електронний ресурс] / Л. Костенко. – Режим доступу: <http://www.rulit.me/books/lina-kostenko-poeziya-read-410864-47.html> (последнее обращение 09.10.2017).
11. Ионова Е.С. Проблема творческого метода в работе журналиста [Электронный ресурс] / Е.С. Ионова. – Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2013/pdf/5118.pdf> (последнее обращение 09.10.2017).
12. Костенко Л. Вибране / Ліна Костенко – К.: Дніпро, 1989. – 559 с.
13. Костенко Л. Триста поезій. Вибрані вірші / Ліна Костенко. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2015. – 416 с.
14. Костенко Л.В. Річка Геракліта / Ліна Костенко; упоряд. та передм. О. Пахльовської. – К.: Либідь, 2016 – 288 с.
15. Ковалевський О.В. Ліна Костенко: філософія бунту й «філософія серця»: автореф. дис. ... канд. філол. наук / О.В. Ковалевський. – Харків: Прапор, 2002. – 14 с.
16. Ліна Костенко: навч. посіб.-хрестоматія / ідея, упорядкування, інтерпретація творів Григорія Ключека. – Кіровоград: Степова Еллада, 1999. – 320 с.
17. Саенко В.П. Ліна Костенко і Леся Українка: традиція, контекст, художня своєрідність / В.П. Саенко // Проблеми сучасного літературознавства. – Одеса: Маяк, 2002. – Вип. 10. – С. 241–250.
18. Дроздовський Д. «...Не дай Бог бути лідером юрби!» [Електронний ресурс] / Д. Дроздовський // День. – 2010. – № 62. – Режим доступу: <https://www.day.kyiv.ua/uk/article/media/ne-day-bog-buti-liderom-yurbi> (последнее обращение 09.10.2017).

References

1. Bryuhovetskiy, V.S. *Kostenko Lina Vasylivna* [Kostenko Lina Vasylivna]. *Ukrains'ka literaturna entsyklopediia: v 5 t.* [Ukrainian Literary Encyclopedia: in 5 vol.]. Kyiv, Ukrayinska entsyklopediya Im. M.P. Bazhana Publ., 1995, vol. 3, 496 p.
2. Slaboshpitskiy, M. (1998) *Lina Kostenko* [Lina Kostenko]. *Istoriya ukrayinskoyi literatury XX st.: u 2 kn.* [History of Ukrainian Literature of the 20th century: in 2 books]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1998, book 2, pp. 120-125.
3. Stateeva, V. *Lina Kostenko y ukrayinska leksikograflya kintsya XX – pochatku XXI st.* [Lina Kostenko and Ukrainian lexicography of the end of the 20th – beginning of the 21st century]. *Kultura slova* [Culture of the word], 2010, no. 73, pp. 54-64.
4. Bernadska, N.I. *Ukrayinska literatura XX stolittya* [Ukrainian literature of the 20th century]. Kyiv, Znannya-Pres Publ., 2008, 272 p.
5. Тыупа, V.I. *Analiz hudozhestvennogo teksta* [Analysis of the artistic text]. Moscow, Izdatelskiy tsentr "Akademiya" Publ., 2006, 336 p.
6. Kovaliv, Yu. (ed.) *Literaturoznavcha entsyklopediya: u dvoh tomah* [Encyclopedia of literary: in 2 volumes]. Kyiv, VU "Akademiya" Publ., 2007, vol. 2, 624 p.
7. Dzyuba, I. *E poeti dlya epoh* [There are poets for epochs]. Kyiv, Libid Publ., 2011, 208 p.
8. Gundorova, T. *Post-Chornobil: katastrofizm yak nova natsionalna ideya* [Post-Chernobyl: catastrophism as a new national idea]. Available at: <http://www.life.pravda.com.ua/columns/2012/04/26/101231/> (Accessed 09 October 2017).
9. Kuzmich-Pohodenko, A.S. *Problema Chornobilya u publitsistitsi Lini Kostenko* [Problem of Chernobyl in publicistics of Lina Kostenko]. *Molodiy vcheniy* [The young scientist], 2015, no. 12 (27), issue 4, pp. 150-153.
10. Kostenko, L. *Poeziya* [Poetic Works]. Available at: <http://www.rulit.me/books/lina-kostenko-poeziya-read-410864-47.html> (Accessed 09 October 2017).
11. Ionova, E.S. *Problema tvorcheskogo metoda v rabote zhurnalista* [Problem of creative method in the work of a journalist]. Available at: <https://www.scienceforum.ru/2013/pdf/5118.pdf> (Accessed 09 October 2017).
12. Kostenko, L. *Vibrane* [Selected works]. Kyiv, Dnipro Publ., 1989, 559 p.
13. Kostenko, L. *Trista poezly. Vibrani virshi* [Three hundred poetic works. Selected poems]. Kyiv, A-BA-BA-GA-LA-MA-GA Publ., 2015, 416 p.
14. Kostenko, L.V. *Richka Geraklita* [The river of Heraclitus]. Kyiv, Libid Publ., 2016, 288 p.
15. Kovalevskiy, O.V. *Lina Kostenko: filosofiya buntu y "filosofiya sertsya"*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Lina Kostenko: philosophy of riot and "philosophy of the heart". Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Harkiv, Prapor Publ., 2002, 14 p.
16. Klochek, G. (ed.) *Lina Kostenko* [Lina Kostenko]. *Navchalniy posibnik-hrestomatiya* [Textbook-reader, reading-book]. Kirovograd, Stepova Ellada Publ., 1999, 320 p.
17. Saenko, V.P. *Lina Kostenko i Lesya Ukrayinka: traditsiya, kontekst, hudozhnya svoeridnist* [Lina Kostenko and Lesia Ukrainka: tradition, context, artistic peculiarity]. *Problemi suchasnoho literaturoznavstva* [Problem of modern literature]. Odesa, Mayak Publ., 2002, issue 10, pp. 241-250.
18. Drozdovskiy, D. *"...Ne day Bog buti liderom yurbi!"* ["...Do not let God be the leader of the crowd!"]. *Gazeta "Den"* [News Paper "The Day"], 2010, no. 62. Available at: <https://www.day.kyiv.ua/uk/article/media/ne-day-bog-buti-liderom-yurbi> (Accessed 09 October 2017).

У статті розглядаються особливості художнього трактування трагедії Чорнобиля в поетичній і публіцистичній творчості Ліни Костенко. Чорнобильська тема у творах Ліни Костенко становить основу і центр ліричного переживання, утворюючи закінчений твір. Чорнобильська трагедія настільки глибоко увійшла в поетичну свідомість поетеси, що навіть у творах на іншу тему виникають спогади про Чорнобиль, алюзії на нього, формується мозаїка думки і почуттів поетеси, звернених до сучасної дійсності.

Ключові слова: чорнобильська тема, етико-філософське осмислення, циклічність, проблемно-тематична спільність віршів, феномен інкрустації, ліричний суб'єкт.

In the article features of artistic interpretation of Chernobyl tragedy in poetic and publicistic works of Lina Kostenko are considered.

The Chernobyl theme in the works of Lina Kostenko constitutes the basis and center of the lyrical experience, forming a complete work. The Chernobyl tragedy entered the poetic consciousness of the poetess so deeply that even in the works on another theme memories of Chernobyl, allusion to it arise, a mosaic of thoughts and feelings of the poetess turned to modern reality is formed.

Key words: Chernobyl theme, ethical-philosophical comprehension, repeatability, problem-thematic entity of the poet, phenomenon of incrustation, lyrical subject

Одержано 25.10.2017